

путь еще о ея поразительной силѣ и прочности, то, пожалуй, можно будетъ подтвердить, что пзъ будущаго ложа канала ежеминутно могло быть удаляемо этою машиною до 7,000 фунтовъ камня: восемь же такихъ машинъ вынимали ежедневно до 4,000 куб. метровъ каменной массы. Для большей наглядности остается развѣ сказать, что Коринтскій каналъ, съ помощью восьми Кантилеверъ-машинъ, можно было бы прорыть всего лишь въ 5 лѣтъ, вмѣсто потребовавшихся 11-ти лѣтъ.

Несомнѣнно, что и въ древнѣе вѣка воздвигалось не мало гигантскихъ построекъ, въ родѣ, напримѣръ, сооружений каменнаго вѣка или пресловутыхъ египетскихъ пирамидъ. Однако былые архитемы повидимому не особенно-то щадили

мускульную силу рабочихъ-рабовъ и, пользуясь исключительно сильными да порочными, природными рычагами (руками) послѣднихъ, думали лишь о томъ, чтобы оставить послѣ себя прочный памятникъ. Не мало гибло тогда людей подъ бременемъ непосильнаго труда. Вотъ почему въ особую заслугу современнымъ намъ архимедамъ должно быть поставлено то обстоятельство, что они съ большимъ человеколюбіемъ отнеслись къ рабочимъ и путемъ искуснаго и рациональнаго соединенія автоматической силы пара и электричества съ тѣми или другими плодами своего ума, позаботились о томъ, чтобы огранить нашихъ меньшихъ братьевъ отъ окончательнаго превращенія во вьючныхъ животныхъ.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковского.

Сохранились ли еще идеалы въ нашемъ обществѣ?—Прожитіе «богатырей» и теперешняя мелюзга.—Герои разсказовъ г. Чехова.—«Человѣкъ въ футлярѣ» и «собственный крижовникъ».—Термонтавъ, Некрасовъ и г. Чеховъ.—Смысла поколѣній. — Близикскій и Термонтавъ, г. Михайловскій и г. Чеховъ.—«Общія идеи» отцовъ и дѣдовъ.—Признаютъ ли ихъ г. Чеховъ?—Трилогия Гончарова.—Мнимые и истинные отцы и дѣды.—Волоховы и Тушины.—Писатель, сельскій хозяинъ и чиновникъ.—Общій выводъ.

I.

Значительная часть русскіихъ обывателей, и притомъ далеко не худшая ихъ часть, живетъ больше въ прошломъ, чѣмъ въ настоящемъ. Когда я говорю «жить», то я имѣю въ виду не будничную жизнь, не ту жизнь, которую поневолѣ приходится жить, потому что долженъ же человѣкъ имѣть и нравъ, и пропитаніе, — а ту, другую жизнь, въ которой теплится «искра Божія», въ которой чувствуется присутствіе лучшихъ нашихъ стремленій, возвышеннѣйшихъ нашихъ чувствъ, словомъ всего, что мы привыкли называть идеаломъ. И вотъ эта-то другая жизнь для значительной части русскіихъ обывателей почти всецѣло сосредоточивается въ прошломъ: какъ они ни присматриваются къ настоящему, они не находятъ въ немъ никакого идеальнаго содержанія.

Вспомнимъ событія истекающаго года. Въ какія минуты сердце билось у насъ уча-

шенно, срывались у насъ съ устъ хорошія слова, и мы умилялись духомъ? Это были минуты, посвященныя воспоминаніямъ прошлаго. Вспоминали ли мы величественный образъ Царя-Освободителя или скорбный образъ пламеннаго борца за русскія общественныя идеалы, нестопаго Виссариона, во всѣхъ разсужденіяхъ по этому поводу слышался одинъ и тотъ же призывъ: вамъ, людямъ нынѣшняго поколѣнія, «не видать такихъ сраженій»; тогда было «могучее, знное племя, — богатыри, не вы!» Теперь пошли люди малые, которые «ненавидятъ и любить случайно», ничѣмъ не жертвуютъ «ни злобѣ, ни любви», и пройдутъ надъ міромъ «толпою скоро позабытой, безъ шума и сѣда». Положительно, слушая всѣ эти разсужденія, невольно обижается за молодое поколѣніе. Впрочемъ и обижаться-то не приходится, потому что оно само вторитъ представителямъ прежнихъ поколѣній, само горюво признаетъ себя мелюзгою сравнитель-

но с прежними «могучими, лихими племенами», с прежними «богатырями».

В общем получается такое впечатление, как будто все наши идеалы в прошлом, а ныне русская земля ими оскудела. Псаломщик гласит: всякому овощу свое время; история нас должна учить, что лучшее время иметь свои идеалы. Но на русской жизни это как будто не оправдывается: никогда у нас не были идеалы, но все они израсходованы без остатка, и нам остается только вспомнить прошлое с благодарностью и тинною тоской, с сердечным сокрушением о том, что мы сами живем как-то эдак, без определенной цели, починаем только безотрадно прозябать жизни.

Прочтите последние произведения г. Чехова, и вы ужаснетесь той картины современного поколения, которую он нарисовал с свойственным ему мастерством. Возьмете ли вы Ионыча, героя рассказа, помещенного в Литературные Приложения Нивы за сентябрь, или ряд личностей, введенных в других рассказах талантливого беллетриста. — вы одинаково вынесете какое-то шемашее впечатление: беспомощности найти в жизни идеальное содержание. Ионыч, иначе доктор Старцев, как известно нашим читателям, земский врач, разочаровавшийся в предмете своей любви. А эта любовь была единственным проблемом в его сирой жизни и притом сирой не потому только, что в ней нельзя было найти идеального содержания, а потому что сам доктор Старцев не находил в себе ни силы, ни способности отыскать в ней что-либо другое, кроме заботы о деньгах докторской практикой.

Предмет его любви, шатовилевый и милый котик, т. е. Екатерина Ивановна с своей стороны мечтала о славе, о мировом признании выдающегося pianista. Она отказывалась Ионычу, потому что вовсе не желала погрузиться в провинциальную тиню. Она рождена для чего-то лучшего, для внешней, блестящей цели. Таланта, однако, у нее нет. Побывав в консерватории, она возвращается в провинцию, сама начиная заниматься за Старцевым, получая с своей стороны отказ, и оба они живут, отказавшись от прежних своих заманчивых грезов, как живут люди, подчинившиеся всецело сирой действительности.

На ряду с Ионычем может быть поставлен герой другого рассказа г. Чехова, Алехин, молодой человек, получивший в наследство от своего отца задолженное состояние. Он посвящает себя хозяйству и притом с таким успехом, что понемногу очищает память от долгов. Но может ли

это служить жизненным идеалом? Не мотая на усильный ход своих дел, Алехин скучает в деревне, не может примириться с окружающим его сирой действительностью и рвется в город. «Когда поживешь в деревне безвылазно месяца два, три, особенно зимой, то в конце концов начинаешь тосковать по черному скоту». А в окружном суде были скотники, и мундиры, и фраки, — все юристы. Люди, получившие общее образование: было с ними поговорить. После ужина в сани, после людской кухни сидеть в кресле в чистом белье, в легких ботинках, с циплю на груди (Алехин — почетный мировой судья) — это такая роскошь! Но Алехин соблазняется не только судейские мундиры и фраки. Как водится, в окружном суде есть и председатель, и товарищ председателя, а у товарища председателя есть премилая и интересная жена, Анна Алексеевна, и хотя сам товарищ председателя человек хороший, а у Анны Алексеевны есть, кроме того, и очень милые дочки, но и ее томить сирая действительность, которая ей мужа напротив несколько не томит. Неудивительно после этого, что Алехин и Анна Алексеевна чувствуют друг к другу симпатию, постепенно усиливающуюся до пламенной любви. Но они оба — люди честные и благоразумные, и поэтому их роман прерывается в самом начале: Анна Алексеевна остается при муже и дочках, Алехин возвращается в свое имение, а добрые его знакомые, которым он рассказывал свою историю, печальную историю, «забывают, что этот человек с добрыми, умными глазами... вертится в своем громадном имении, как быка в колесе, а не занимается наукой или чем-нибудь другим, что делало бы его жизнь более приятной». В самом деле как не пожалеть брата Алехина!

Но еще гораздо больше можно пожалеть о Николае Ивановиче Чижике-Гималеевском. Вырос он в деревне, а затем вследствие недостатка средств угодил в чиновники, в казенную палату. Понятно, что и его сирая действительность не удовлетворяет: писал он скучным бумажным, а сам думал все о том, как бы убраться в деревню. Страстно ему хотелось купить маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера. Деревенская жизнь имела свои удобства, — товарищ был один сидит на балконе, пьет чай, на пруду твой утки плавают и... и в саду крыжовник растет. Он чертил план своего имения, и всякий раз у него на план выходило одно и то же: барский дом, людская, ограда и прикар-

никъ». И вотъ, чтобы осуществить свою мечту, онъ не доблалъ, не допивалъ, одѣвался словно нищий, и все копилъ, копилъ деньги. Но мечта его, можетъ-быть, и не осуществилась бы, если бы не подвернулась старая, некрасивая вдова, у которой водились деньжонки. Онъ на ней женился, и въ концѣ-концовъ его мечта осуществилась. Николай Ивановичъ превратился въ настоящаго помѣщика, барина. Его навѣщаетъ братъ, который рассказываетъ намъ его судьбу: «Вечеромъ, когда мы пили чай, кухарка подала къ столу полную тарелку крыжовника. Это былъ некупленный, а свой собственный крыжовникъ, собранный въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ были посажены кусты. Николай Ивановичъ засмѣялся и минуту глядѣлъ на крыжовникъ, молча, со слезами, — онъ не могъ говорить отъ волненія: потомъ положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка, который наконецъ получилъ свою любимую игрушку, и сказалъ:

«— Какъ вкусно!

«И онъ съ жадностью ѣлъ и все повторялъ: «— Ахъ, какъ вкусно! Ты попробуй.

«Было жестко и кисло, но, какъ сказалъ Пушкинъ, тѣмъ истиннѣе намъ дороже насъ возвышающій обманъ. Я видѣлъ счастливаго человека, забытая мечта котораго осуществилась такъ очевидно, который достигъ цѣли въ жизни, получилъ то, что хотѣлъ, который былъ доволенъ своей судьбой, самимъ собою. Къ моимъ мыслямъ о человѣческомъ счастьи, — говорить въ заключение рассказчикъ: — всегда почему-то прибѣжало что-то грустное; теперь же при видѣ счастливаго человека мною овладѣло такое чувство, близкое къ отчаянію».

Да, какъ тутъ не придти въ отчаяніе. Подумайте только, каковы были наши идеалы въ прошломъ, и каковы они теперь. Истинны, кислый крыжовникъ, — вотъ вамъ и цѣль цѣлой человѣческой жизни, безконечныхъ заботъ, лишений, скряжничества, разбитаго семейнаго счастья.

Если цѣлью человѣческой жизни можетъ быть даже «собственный крыжовникъ», то исполнѣ естественно, что иные люди ставятъ себѣ цѣлью оберечь себя отъ всякаго рода неприятностей, тщательно избѣгаютъ всего, что можетъ нарушить ихъ покой. Такого субъекта изображаетъ намъ г. Чеховъ въ своемъ рассказѣ: «Человѣкъ въ футлярѣ». Все для него сводится къ тому, чтобы огра-
дить себя отъ всякихъ неприятностей въ жизни. О какихъ-нибудь идеалахъ и рѣчи тутъ быть не можетъ: для ихъ осуществленія требуется борьба, столкновенія съ людьми, — а этого-то «человѣкъ въ футлярѣ» боится

пуще всего. И вотъ онъ живетъ, точно узника въ своемъ домикѣ, прикрываясь броней установившихся взглядовъ, привычекъ, предразсудковъ, законовъ. Для него вопросъ прежде всего сводится къ тому, чтобы не вступать въ какое-либо противорѣчіе съ установленнымъ порядкомъ. Допустимъ, что онъ полюбилъ дѣвушку, которая, можетъ-быть, отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Но если на пути ихъ счастья встрѣтится хотя бы малѣйшее препятствіе, то можно быть увереннымъ, что человѣкъ въ футлярѣ тотчасъ же, какъ узникъ, при видѣ малѣйшей опасности, спрячется въ своемъ домикѣ.

Таково основное содержаніе рассказовъ г. Чехова, появившихся за послѣдніе мѣсяцы. Вотъ въ обществѣ такихъ-то людей намъ приходится жить. Они составляютъ громадное большинство. Это какое-то слабое звено общества, неспособныя къ энергической борьбѣ, или же люди, поставившіе себѣ узкую жизненную цѣль. Знакомясь съ нами въ описаніи г. Чехова, мы невольно должны будемъ сообразить съ тѣмъ, что утверждать будто бы въ наши идеалы въ прошломъ, а что въ настоящее время никакихъ идеаловъ въ жизни уже нѣтъ, — присоединиться къ господствующему настроенію. Въ силу котораго люди склонны думать, что прежде было смогучее, лихое племя, были «бogatыря», а теперь ихъ уже нѣтъ, и нарастаютъ одни только мелочи жизни, не ставящіе себѣ широкихъ цѣлей въ жизни или неспособные ихъ отстаивать.

II.

Въ предыдущемъ мы вспоминали два стихотворенія Лермонтова: «Бородино» и «Дума». Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти замѣательныя произведенія, прошло 60 лѣтъ. Лермонтовъ печально глядѣлъ на свое поколѣніе, постыдно равнодушное къ добру и злу, позорно малодушное передъ опасностью, томившееся жизнью, какъ равнымъ путемъ безъ цѣли, какъ пиромъ на праздникъ чужомъ. Убѣжденное въ собственномъ ничтожествѣ, поколѣніе это съ тоскою вспоминало о бывшихъ богатыряхъ, о смогучемъ лихомъ племени и чувствовало, что не видать ему такихъ сраженій, что не сумѣетъ оно постоять головою за родину.

Прошло 30 лѣтъ, и другой поэтъ бросилъ русскому обществу въ лицо желѣзные стихи:

Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно.
Суждены вамъ благія порывы,
Но свершить ничего не дано.

И вотъ теперь, по прошествіи новыхъ 30 лѣтъ, наши писатели обвиняютъ русское общество въ томъ, что оно широкихъ

идеалов не имѣть или по дряблости своей не въ состояніи ихъ осуществить. Поколѣнію Лермонтова казалось, что «богатыри» нарождались только въ началѣ столѣтія, а что затѣмъ люди измельчали. Та же мысль занимала и Некрасова, относившагося иронически къ своему поколѣнію и воспѣвавшего людей прежняго, уже сошедшаго со сцены, поколѣнія. И теперь происходитъ то же самое: современное поколѣніе кажется намъ мелкимъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ предшествовавшими.

Значитъ, это—постоянно повторяющееся явленіе. Конечно, его нельзя приравнять къ воркотнѣ стариковъ, склонныхъ думать: что въ ихъ время все было лучше. И Лермонтовъ, и Некрасовъ, и г. Чеховъ исходятъ въ своихъ произведеніяхъ изъ совершенно другихъ чувствъ. Лермонтовъ самъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое онъ такъ жестоко осудилъ въ своей «Думѣ». То же можно сказать и о Некрасовѣ, и о г. Чеховѣ. Ихъ приговоры, слѣдовательно, не имѣютъ ничего общаго съ самовозвеличеніемъ. Это скорѣе недовольство собою или, такъ какъ выдающіеся писатели всегда живутъ жизнью окружающаго ихъ общества,—недовольство этимъ обществомъ. И Лермонтовъ, и Некрасовъ были недовольны своимъ поколѣніемъ, какъ и г. Чеховъ недоволенъ своимъ.

По отношенію къ Лермонтову совершенно очевидно, что тяжелый упрекъ, брошенный имъ въ лицо русскому обществу, не пропалъ безслѣдно. Онъ упрекалъ его въ томъ, что оно постыдно равнодушно къ добру и злу, что оно бездѣйствуетъ, позорно малодушно предъ опасностью, что оно «въ началѣ подприима впасть безъ борьбы». О слѣдующемъ поколѣніи Некрасову пришлось уже сказать, что у него есть благіе порывы, т. е., что его нельзя уже упрекнуть въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу. Это какъ будто уже прогрессъ. Но мнѣніе Некрасова у людей его времени были идеалы, но въ то же время его поколѣніе отличалось неспособностью осуществить въ жизни эти идеалы.

Ну, а современное поколѣніе? Сдѣлало ли оно дальнѣйшіе успѣхи? Итъ, изъ разсказовъ г. Чехова видно, что современное поколѣніе и равнодушно къ добру и злу, и пройдетъ надъ міромъ безъ шума и слѣда или, какъ выразилъ и Некрасовъ, мертво для дѣла, не свершитъ ничего. Значитъ, наше время напоминаетъ собою лермонтовское.

Но вотъ въ чемъ разница между прежнимъ и теперешнимъ временемъ. Если Лермонтовъ упрекалъ русское общество въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу, то

никто, конечно, самого Лермонтова въ этомъ равнодушіи не упрекнулъ. Самый выдающійся представитель русской критики лермонтовскаго времени, незабвенный Вѣлиинскій ставилъ Лермонтова очень высоко, не только какъ художника, но и какъ человѣка. Кто же изъ людей нашего поколѣнія, — писалъ онъ:—не найдетъ въ немъ (въ Лермонтовѣ) разгадку собственнаго уніиія, душевной апатіи, пустоты внутренней и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ... Въ его груди всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій узнаетъ—свою и видитъ въ немъ не только поэта, но и человѣка, брата своего по человечеству.

А въ настоящее время мы видимъ совсѣмъ другое. Г. Чеховъ упрекаетъ русское общество въ постыдномъ равнодушіи или въ неспособности жить для плодотворныхъ идеаловъ, а выдающійся представитель современной критики г. Михайловскій упрекаетъ самого г. Чехова въ томъ, что у него отсутствуетъ всякій идеалъ. «Что попадетъ на глаза—говорятъ г. Михайловскій:—то онъ изобразитъ съ одинаковою холодною кровью... Если онъ рѣшительно не можетъ признать своими общія идеи отцовъ и дѣдовъ—о чемъ, однако, слѣдовало бы подумать—и также не можетъ выработать свою собственную общую идею—надъ чѣмъ поработать все-таки стоять,—то пусть онъ будетъ хоть поэтомъ тоски по общій идей и мучительнаго сознанія ея необходимости... А то что хорошаго: читатель ждетъ отклика на свои боли, а ему говорятъ: пойдемъ завтракать. Или даже еще того хуже: вонъ быковы везутъ, вонъ почта вѣдетъ, колокольчики съ бубенчиками пересѣкаются; вонъ человѣка задушили, вонъ шампанское пьютъ... При всей своей талантливости г. Чеховъ—не писатель, самостоятельно разбирающійся въ своемъ матеріалѣ и сортирующій его съ точныи зрѣніи какой-нибудь общій идеи, а какой-то почти механическій аппаратъ».

Можно быть различнаго мнѣнія о характерѣ таланта г. Чехова, но ни въ какомъ случаѣ нельзя его упрекнуть въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу. Такой упрекъ представляется мнѣ вѣдлившей степенію несправедливости. Если г. Чеховъ то и дѣло указывать на отсутствіе въ нашемъ обществѣ плодотворныхъ идеаловъ или на неспособность его воплотить ихъ въ жизнь, если онъ эти указанія проводитъ очень сильно впечатлѣніе на читателей, то не служить ли это явнымъ доказательствомъ, что г. Чеховъ является именно «поэтомъ тоски по общій идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости». Г. Михайловскій

упрекать нашего автора въ томъ, что онъ рѣшительно не можетъ признать своими общія идеи отцовъ и дѣдовъ. Такъ ли это, — мы сейчасъ увидимъ. Далеѣ критикъ упрекаетъ еще автора въ томъ, что онъ не можетъ «выработать и свою собственную общую идею» (мы сейчасъ увидимъ, что и этотъ упрекъ несправедливъ). Но уже тутъ надо установить тотъ фактъ, что, если Лермонтовъ и Бѣлинскій принадлежали къ одному поколѣнію, то гг. Чеховъ и Михайловскій принадлежатъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ, — понятно, не столько въ буквальномъ смыслѣ этого слова, потому что разница лѣтъ между ними не такъ велика, сколько въ смыслѣ преемственности смѣняющихся взглядовъ, понятій, общественныхъ идеаловъ. Отмѣтимъ еще и тотъ фактъ, что поколѣнія, наиболѣе близкія другъ къ другу по времени, очень часто менѣе всего другъ друга понимаютъ и менѣе всего другъ друга любятъ. Эта истина вполне подтверждается на столь близкихъ другъ къ другу поколѣніяхъ, — повторяю, въ идейномъ смыслѣ, — каковы современное поколѣніе и предшествовавшее ему поколѣніе 60-хъ гг., къ которымъ принадлежатъ гг. Чеховъ и Михайловскій.

Теперь спросимъ себя, — дѣйствительно ли современное поколѣніе и его представитель г. Чеховъ не признаютъ «общихъ идей отцовъ и дѣдовъ»? Я только-что привелъ стихъ Некрасова, въ которомъ онъ говоритъ, что намъ суждены благіе порывы, но что свершить намъ ничего не дано. Это несомнѣнно «общая идея», принадлежащая человѣку, который могъ бы быть отцомъ г. Чехова. Но послушаемъ, что говорилъ его пращуръ:

Не знаете сами что хотѣли: теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ одно на другое
Переменяя мысль свою...

Тотъ же пращуръ г. Чехова говорилъ, что мы «къ свободѣ охотники», но что «въ насъ вилась неволя», что «коротокъ жизни предѣлъ», но что у насъ всегда «велики затѣи» и что «состояніемъ своимъ мы всегда недовольны». Все это говорилъ пращуръ г. Чехова, Кантемиръ, и надо ли далѣе приводить мнѣніе знаменитыхъ его прадѣдовъ и дѣдовъ, высказывавшихся приблизительно въ томъ же смыслѣ, вплоть до Лермонтова, утверждавшаго, что поколѣніе его пройдетъ надъ міромъ безъ слѣда.

Не бросайте вѣлать ни мысли плодотворной,
Ни гонимъ начатаго труда.

Очевидно г. Чеховъ не совсѣмъ забылъ «общія идеи своихъ отцовъ и дѣдовъ», не забылъ онъ специально и общія идеи того

поколѣнія, къ которому принадлежитъ г. Михайловскій, подчеркивалъ почти въ каждомъ своемъ произведеніи, что эти идеи не принесли существенной пользы, потому именно, что это были только «благіе порывы», которые не сопровождались никакимъ дѣломъ. Какъ выразился Некрасовъ, или потому что это были «великія затѣи», не мирившіяся съ «короткою жизни предѣломъ», какъ выразился еще Кантемиръ. Г. Михайловскій признаетъ именно эти «великія затѣи» или «благіе порывы» наиболѣе существенными. Онъ думаетъ, что они составляютъ все, а что средства ихъ осуществленія не представляютъ никакой важности. А современное поколѣніе наоборотъ думаетъ, что «благихъ порывовъ» и «великихъ затѣй» хоть отбавляй, а что корень вопроса заключается въ томъ, какъ ихъ осуществить въ самой жизни, потому что «благіе порывы» и «великія затѣи», не сопровождающіеся дѣломъ, не только сами по себѣ безплодны, но кромѣ того внушаютъ къ себѣ нерасположеніе, вызывая безконечныя, мучительныя разочарованія. Шутка ли сказать: въ теченіе двухъ вѣковъ мы предавались «великимъ затѣямъ», — и что же получилось въ результатѣ? Приглядитесь къ жизни, прочтите кровью написанные рассказы г. Чехова, и вы убѣдитесь, какъ мало пользы принесли эти «великія затѣи» роднѣе, и какъ безконечно правы были тѣ, кто, начиная съ Кантемира и кончая г. Чеховымъ, указывалъ намъ на все ихъ ничтожество, когда онѣ не сопровождаются жизненными дѣлами.

III.

Для болѣе точнаго выясненія этого вопроса, остановимся на «общихъ идеяхъ» еще одного изъ дѣдовъ г. Чехова, быть-можетъ ближе всего подошедшаго къ тѣмъ мучительнымъ сомнѣніямъ, которыя тревожатъ современное поколѣніе и не даютъ ему обрѣсти душевный покой. Я говорю о Гончаровѣ. Вдумайтесь въ его знаменитую трилогию, и вы увидите, что вся она по основной своей идѣ посвящена именно вопросу объ идеалахъ русскаго общества и о практическомъ ихъ осуществленіи. Г. Чеховъ ищетъ идеальнаго содержанія въ жизни и не находитъ его. Изучая живыхъ людей въ современной дѣйствительности, онъ наталкивается на такихъ, которые носились съ «великими затѣями», но совершенно неспособны къ дѣлу и поэтому либо спиваются, либо впадаютъ въ самое жалкое существованіе, либо наконецъ разстраиваютъ свое здоровье безплодной борьбою и попадаютъ въ сумасшедшій домъ. На ряду съ этими людьми встречаются другіе, правда, способные къ дѣлу.

но совершенно несостоятельные по своему умственному и нравственному складу, в роде, например, того Николая Ивановича, который стремился к одному жизненному идеалу — иметь свой собственный фруктовый сад и свой собственный крыжовник. Сколько бы вы ни искали в произведениях г. Чехова людей с идеальным содержанием и способностью осуществлять эти идеалы в жизни, вы их не найдете.

Вспомним теперь Гончарова, вспомним Адуевых, дядю и племянника, Обломова и Штольца, Райского и Марка Волохова. Позвольте, что герои романов Гончарова несравненно крупнее, чем герои рассказов г. Чехова. Но если приглядеться к тем и другим, то не убедимся ли мы, что они совершенно однородны, т. е., что те и другие, которые приспосабливаются к «благим порывам», ничего не могут «свершить», и что, наоборот, те, которые от этих порывов отказались, в жизни многого достигают, по воле же автора, ни читатели не удовлетворяют, потому именно, что в них идеального содержания нет. Если признать это «общей идеей», — а не признать этого нельзя — то мы будем поражены, до какой степени «общая идея» дяди и внука, т. е. Гончарова и Чехова, совпадают.

Возьмем Адуева-племянника. Сколько у него «благих порывов» и великих затей, и чем все это разбивается? Грустно об этом подумать. Адуев-племянник в конце концов превращается в талантливого ученика своего практического дяди, и когда дядя на живом примере видит, к чему приводить его уроки, ему становится страшно и за своего племянника, и за себя, потому что он добился всего, чего хотел, и выдающегося административного положения, и богатства, но разрушил то, что человеку дороже всего: свое семейное счастье и способность наслаждаться тем, что он добыл путем бесконечных усилий и тяжелого труда. Адуев-дядя испытывает те чувства, которые у г. Чехова испытывает брат Николай Иванович, видя, что тот убил всю свою жизнь, отрекся от всего, чтобы иметь «собственный крыжовник».

К жизни Адуевых, дяди и племянника, с лихорадочной тревогой приглядывается жена первого, Лизавета Александровна. По временам ей кажется, что правы ее муж с его практическим настроением, с его умением достигать в жизни своей цели; по временам она рвется душой к племяннику с его «благими порывами» и «великими затеями»: ей кажется, что именно такие люди нужны родине. Но в конце кон-

цов она глубоко разочаровывается и в дяде, и в племяннике, — разочаровывается так, как разочаровывается родина в своих деятелях, из которых одни имеют идеалы, но не пригодны для жизни, а другие пригодны для жизни, но не имеют идеалов: одни хватают звезды с неба, а другие довольствуются «собственным крыжовником».

Какую удивительную по пластичности и силе картину этого непримиримого антагонизма между идеалами и жизнью дал нам Гончаров в «Обломове». Если заменить Адуевых, племянника и дядю, Обломовым и Штольцем, то получится новый, гениальный вариант этой «общей идеи». С одной стороны нельзя не сочувствовать Обломову: в нем так много человеческого, так много доброты, столько деликатности в отношениях к людям; но с другой стороны вы чувствуете, что все эти качества ни к чему не приведут, что Обломов не только не принесет пользы другим, но и погубит самого себя. Вы понимаете, что Ольга могла полюбить Обломова, но в то же время вы знаете, что даже ее любовь не в состоянии его спасти, и что Ольга была бы несчастлива, если бы соединила свою судьбу с его судьбой. Она встречает человека совершенно другого типа, деятельного, энергичного, умюющего добиться своих целей в жизни. Но и тут вас берет раздумье: если Ольга не может быть счастливою с Обломовым, то может ли она быть счастливою с Штольцем?

Гончаров написал еще третий роман: «Обрыв», героиня которого, Вера, с особенною силою переживает ту душевную драму, которую пережили до нее Лизавета Александровна и Ольга. Если Адуеву-племяннику и Обломову соответствует в последнем романе знаменитой трилогии Гончарова Райский, то противоположным ему типом тут является Марк Волохов. Это тоже человек деятельный, энергичный, но разница между ним с одной стороны и Адуевым-дядей и Штольцем с другой заключается в том, что те добивались чисто-практических целей, а Марк Волохов стремится к достижению общественных целей. Если в «Обыкновенной истории» и «Обломове» высшим общим идеалом противопоставлены чисто-личным целям: карьера, обогащение, наилучшее устройство своих дел, то в «Обрыве» крайне ответственным человеческим идеалам в лице Райского противопоставлены русские общественные идеалы в лице Марка Волохова, и потому борьба, происходящая в душе Веры, достигает особенной напряжен-

ности, и ея любовь къ Марку Волохову изображается такою безавѣтною, преданною, какою не могла быть любовь Лизаветы Александровны къ Адуеву-дядѣ и любовь Ольги къ Штольцу. Но на несчастье Вѣры общественные идеалы Марка Волохова опять таки принадлежать къ числу тѣхъ «благихъ порывовъ» или «великихъ затѣй», которые не могутъ осуществиться въ жизни, во-первыхъ потому, что они къ ней вовсе не приноровлены, а во-вторыхъ потому, что у ихъ представители личные мотивы въ значительной степени берутъ верхъ надъ общественными. Авторъ даетъ это ясно понять читателю многими сцѣнами, написанными съ большою силою и выразительностью. Идеалы Марка Волохова принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые такъ рѣзко осуждены Писемскимъ въ его «Взбаламученномъ морѣ», Достоевскимъ въ его «Вѣсахъ», Тургеневымъ въ его «Нови». Не эти ли идеалы признаются г. Михайловскимъ общими идеями отцовъ и дѣдовъ и такъ усердно рекомендуются имъ г. Чехову. Однако совершенно очевидно, что великие наши писатели Кавтемиръ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Державинъ, Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Тургеневъ этихъ идеаловъ не придерживались. Есть, значитъ, камен-то неизвѣстные «отцы и дѣды», идеалы которыхъ рекомендуются современнымъ писателямъ, и мнѣ кажется, что для ясности и большей убѣдительности этой рекомендаціи слѣдовало бы прямо назвать этихъ «отцовъ и дѣдовъ».

Въ томъ же «Обрывѣ» Гончарова и Райскому, и Марку Волохову противопоставляется общественный дѣтель совершенно иного рода, Тушинъ, съ которымъ Вѣра въ концѣ концовъ, какъ даетъ преимущественно авторъ, соединить свою судьбу. Знаменитый нашъ писатель, комментируя свою трилогию въ замѣчательной статьѣ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», говоритъ между прочимъ: «Волоховъ—будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформамъ и туда вложило всѣ силы. Даровитые дѣтели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли приобрести громкія имена—неужели все это Волоховы? Поколѣніе, которое прежнюю автоматическую военную массу энергически пожелало вождю ея съ чудесною быстротою преобразить въ современную, осмысленную и грозную силу. Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всѣхъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы. Поколѣніе молодыхъ умовъ и да-

рованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угашавшее, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и плѣя великаго Преобразователя. И все это Волоховы. Кому могла придти такая мысль! А самая масса общества, сверху до-низу вся уходящая въ муравьиную работу, въ беззастѣнчивое рудение труда, вызваннаго новымъ жизнью. Нетъ, это не Волоховы. Это въ Волоховы и представители новой пролетарской культуры съ освобожденными крестьянами и другими базисными реформами, внесенными въ русское общество».

Г

Такъ охарактеризовалъ Гончаровъ Тушинъ. Вотъ истинный представитель «новой правды». Если въ «Обыкновенной исторіи» и «Обломовѣ» Лизавета Александровна и Ольга колеблются въ своихъ симпатіяхъ между представителями двухъ протависполнителей началъ, если даже она въ «Обрывѣ» Вѣра колеблется между Райскимъ и Волоховымъ, то въ этомъ послѣднемъ случаѣ авторъ уже прямо указываетъ на тѣхъ общественныхъ дѣтелей, которые заслуживаютъ общаго сочувствія. Дѣтели эти не похожи ни на Адуевыхъ, племянника и дядю, ни на Обломова и Штольца, ни на Райскаго и Марка Волохова: они имѣютъ опредѣленные, ясные общественный общенный характеръ и, по той же, обладаютъ энергіей и умѣньемъ, необходимыми для ея осуществленія. Гончаровъ охарактеризовалъ ихъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ съ такою силою и ясностью, что тутъ сомнѣній никакихъ быть не можетъ, и, всматриваясь въ умственный и нравственный обликъ этихъ дѣтелей, можемъ ли мы не признать въ нихъ прямыхъ потомковъ лучшихъ русскихъ людей? Великія реформы Царя-Освободителя были только продолженіемъ того труда, который несли наши отцы и дѣды, создавшие могущественную Россію. Во всѣ времена нашей исторіи самыми полезными дѣтелями были тѣ, которые не только умѣли воодушевляться благородною мыслию, но и осуществлять ее по мѣрѣ возможности въ дѣлѣ. Мы, конечно, говоримъ не о писателяхъ, не о мыслителяхъ, потому что ихъ было заключено въ мысли и слова. Мы говоримъ о той массѣ, которая непосредственно прилагаетъ руку къ осуществленію мысли или слова. Россія переживала нѣредко трудныя времена, несравненно болѣе трудныя, чѣмъ то время, которое переживаетъ современное поколѣніе. Но и тогда находилось не мало людей, которые умѣли

постоять за общественную правду и постепенно приближать жизнь к ней. Почему же теперь, после всех усилий и трудов отцов и дедов, после всего, что ими было достигнуто, русская земля вдруг оскудела достойными общественными деятелями? Не великий ли это позор на нее? Неужели уже ни в деревнѣ, ни в земствѣ, ни в судахъ, ни в арміи, ни в школѣ, ни в промышленности, ни в наукѣ, ни в печати нѣтъ уже представителей общественной правды, нѣтъ уже достойныхъ и полезныхъ деятелей? Не проходить недѣли, чтобы газеты и журналы не окупчили въ некрологахъ или биографіяхъ самоотверженную, просвѣщенную и нерѣдко достойную удивленія деятельность русскихъ людей, а между тѣмъ постоянно раздается призывъ, что наше время—время отсутствия идеаловъ и людей, умѣющихъ ихъ воплощать въ жизнь. Не объясняется ли это очевидное противорѣчіе тѣмъ, что, какъ выразился Гончаровъ, «муравьиная работа въ бездонныхъ рудникахъ труда» не соответствуетъ нашему понятію объ общественномъ идеалѣ?

Что и говорить, разведеніе «собственного приживника» не можетъ быть признано общественнымъ дѣломъ. Но почему же мы обходимъ молчаніемъ тѣхъ многочисленныхъ представителей интеллигентной молодежи, которые уходятъ въ деревню, чтобы служить народу, и, забывъ о себѣ, думаютъ только о немъ? Почему мы забываемъ тѣхъ земскихъ деятелей, которые вѣрою и правдою служатъ родинѣ? Почему мы забываемъ и тѣхъ чиновниковъ, которые стараются замѣнить мертвый формализмъ и канцеляршину живымъ дѣломъ, просвѣщенною административною дѣятельностью? Почему, наконецъ, мы никакъ не хотимъ признать, что всякій стойкій, честный трудъ одинаково достоинъ уваженія, что благополучіе страны зависитъ отъ всехъ отраслей полезнаго труда, и что въ трудѣ есть богатое идеальное содержаніе не только потому, что онъ необходимъ для человѣческаго счастья, но и потому, что онъ — основа благоденствія страны?

Намъ говорятъ, наприимѣръ, что сельское хозяйство, управленіе имѣніемъ — чужды или собственнымъ — не можетъ удовлетворить идеальнымъ стремленіямъ развитого человѣка. Почему же мы съ другой стороны слышимъ безконечныя нареканія на пашихъ сельскихъ хозяевъ, не умѣющихъ хозяйничать какъ слѣдуетъ и потому обремененныхъ свои пытли безконечными долгами? Конечно, заботиться о личномъ обогащеніи — далеко не идеальная жизненная цѣль. Но

заботиться о томъ, чтобы данный уголокъ родной земли, хотя бы и крошечный, процвѣталъ, — не значить ли это позаботиться о томъ, чтобы процвѣтала часть родины? Вѣдь всякое дѣло состоитъ изъ частей, и чѣмъ больше частичекъ родины процвѣтаетъ, тѣмъ больше и ея благосостояніе. Неужели мы будемъ признавать идеальное содержаніе только за дѣятельностью того человѣка, который придумываетъ общіе планы реорганизации всего нашего сельского хозяйства, и будемъ отрицать всякое идеальное содержаніе въ дѣятельности тѣхъ, кто на дѣлѣ, въ данной мѣстности, въ данномъ уголкѣ заботится о правильной постановкѣ своего хозяйства. Но не очевидно ли, что даже наиболѣе глубоко и вѣрно задуманные планы общей реорганизации ни къ чему не могутъ привести, если сельскіе хозяева окажутся несостоятельными. Почему же одинъ фодъ труда признается достойнымъ развитого человѣка, а другой — мелкимъ, ничтожнымъ? Не потому ли, что второй труднѣе перваго. Дѣйствительно, чтобы предложить планъ общей реорганизации, для этого достаточно прочесть двѣ, три книжонки и жить въ свое удовольствіе, а для того, чтобы превратить запущенное и задолженное имѣніе въ цвѣтущій уголокъ родины, — для этого требуется масса знаній, и много практическаго опыта, и столько же личныхъ качествъ, не говоря уже о безконечныхъ лишеніяхъ. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ общественнымъ предразсудкомъ. Если жить по трафареткамъ, по завиткамъ никому невѣдомыхъ или мало извѣстныхъ «отцовъ и дѣдовъ», то дѣйствительно можетъ казаться, что трудъ писателя, общественнаго реформатора, сезоннаго или будуарнаго проповѣдника легкомысленныхъ идеаловъ гораздо достойнѣе и почетнѣе труда сельскаго хозяина или чиновника. Но не такъ смотрѣли на дѣло истинные наши духовные «отцы и дѣды». Перечитайте еще разъ приведенную мною выдержку изъ статьи Гончарова, и вы убѣдитесь, что онъ ставилъ одинаково высоко и сельскаго хозяина, и земца, и судью, и военнаго и гражданскаго администратора, и научнаго деятеля, и писателя, и представителей всего того общества, которое сверху до-низу ушло въ муравинную работу, въ бездонные рудники труда, потому что все они трудятся надъ водвореніемъ у насъ общественной правды, потому что во всякой дѣятельности, какъ бы она ни казалась скромною на видъ, есть богатое идеальное содержаніе для тѣхъ, кто его ищетъ, и потому еще, что все отрасли честнаго труда одинаково необходимы родинѣ. Если мы этого не сознаемъ, то мы дѣйствительно приобретаемъ

забѣтами сотновъ и дѣдовъ, и пока мы себѣ этого не уяснимъ, мы не уловимъ «общей идеи» современнаго намъ поколѣнія. Если читать съ этой точки зрѣнія произведенія г. Чехова, то мы убѣдимся, что онъ, при-

нявъ наслѣдіе истинныхъ нашихъ духовныхъ отцовъ и дѣдовъ, новинкаетъ и истинную идею современнаго намъ поколѣнія и съ присущимъ ему талантомъ старается разъяснить ее тѣмъ, кто ея еще не понимаетъ.

Библиографія.

(Книги, поступившія въ редакцію.)

Агалавъ, Д. В. Новая тригонометрія. Рѣшеніе треугольниковъ помощью одной теоремы.

Алеханъ, О. Н. Оловотолкователь и объяснитель иностранныхъ словъ. Изд. Г. Т. Бриллиантова. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Аленторовъ, А. Е. Ниргисская хрестоматія. Часть 1. Оренбургъ. 1898.

Аленторовъ, А. Е. Уроки русской грамматики. Сивтакисъ. 3-е изд. Б. Бреславина. Оренбургъ. 1898. Ц. 25 к.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. М. 1898. Ц. 5 р.

Сборникъ „Братская помощь“ представляетъ собою выдающееся литературное явленіе. Такихъ объемистыхъ благотворительныхъ сборниковъ еще не бывало въ русской литературѣ. Около тысячи страницъ компактнаго текста, принадлежащаго перу вѣдѣннѣйшихъ русскихъ писателей и ученыхъ, служатъ одновременно и лучшей рекомендаціей для сборника и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ для подражанія. Около восьмидесяти авторовъ участвуютъ въ сборникѣ, каждый изъ нихъ одушевленъ горячимъ желаніемъ сдѣлать вкладъ въ дѣло помощи пострадавшимъ братьямъ по Христу, каждый стремится въ своемъ произведеніи, будь то беллетристическій, научный или публицистическій очеркъ, вызвать въ душѣ читателя лучшее, священнѣйшее чувство — любовь къ ближнему, сирому, обездоленному. И эта литературная лепта должна воздѣяться сторицею. Весь христіанскій міръ былъ потрясенъ, когда подведены были итоги „армянскимъ безпорядкамъ“: болѣе 40.000 убитыхъ, столько же обращенныхъ насильственно въ магометанство, болѣе 300.000 армянъ пошло по міру... „Братская помощь“ — священный порывъ русскихъ людей помочь хотя бы небольшой доль несчастныхъ. Отъ русскаго общества зависитъ увеличить размѣры этой помощи. Оно уже доказало свое сочувствіе, раскупивъ первое изданіе сборника. Предъ нами второе изданіе, еще болѣе богатое, еще болѣе интересное по содержанію и рисункамъ, и можно смѣло надѣяться, что оно встрѣтитъ не менѣе сочувственный приемъ. Не слѣдуетъ думать, что страданія армянъ кончились... Десятки тысячъ сиротъ остались безъ куска хлѣба и пристанища, а дѣти, лишившія родителей, раздѣляютъ голодъ вмѣстѣ съ ними...

Бульверъ-Литтонъ, Э. Ріенци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Пер. съ англ. С. А. Гулишамбаровъ. Изд. О. Н. Поповой. СПб. 1898. Ц. 1 р.

Бѣляевъ, И. О. Искушеніе. Истор. ром. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Верещагинъ, П. А. Коммерческая корреспонденція. Руководство къ составленію всякаго рода писемъ. Изд. Г. Т. Бриллиантова. М. 1898. Ц. 1 р.

Веселовскій, Ю. Стихотворные переводы. Вып. 1. М. 1898. Ц. 50 коп.

Среди безчисленнаго множества оригинальныхъ и переводныхъ стихотворныхъ сборниковъ современныхъ поэтовъ, маленькая книжечка г. Ю. Веселовскаго положительно выделяется своею несомненною талантливостію. Большая

часть этихъ переводовъ помѣщалась на страницахъ „Артиста“, „Вѣстника Европы“ и другихъ журналовъ, и тогда же стихотворенія молодого автора обратили на себя вниманіе, во въ настоящемъ сборникѣ есть много пѣснь, появившихся въ первый разъ. Особо хороша пѣсня изъ Гейне (изъ его „Lyrisches Intermezzo“ и „Heimkehr“), не только близко, но и поэтично передающія стихи знаменитаго творца „Buch der Lieder“. Второй отдѣлъ состоитъ изъ переводовъ съ армянскаго. Русская публика почти не знакома съ современной армянской литературой, и въ этомъ отношеніи переводы г. Веселовскаго крайне интересны. Въ третьей части находимъ отрывки изъ драмы Ибсена: „Сѣверные Богатыри“. Какъ видитъ читатель, содержаніе сборника очень разнообразно.

Ветингъ, Е. Указатели алфавитный и систематическій за 1888—89 гг. изъ м. „Гимназія“ и „Педагогическій Еменедльничекъ“ Ревеля. 1898.

Гассальмусъ, П. А. Очерки промысловъ Россіи. СПб. 1899. Ц. 80 к.

Цѣль автора этой небольшой книжки — дать краткое и, по возможности, популярное описаніе каждаго промысла, сообщить историческія свѣдѣнія о его возникновеніи въ Россіи, объяснить его значеніе въ жизни и сравнить развитіе каждаго промысла въ Россіи съ его состояніемъ въ другихъ государствахъ. Описание промысловъ очень сжаты и точны, такъ какъ основаны на главному образомъ на статистическихъ данныхъ.

Годовой отчетъ о-ва для распространенія свѣдѣній въ Россіи за 1897 г. СПб.

Гидичъ, П. П. Для успокоенія нервовъ. Слѣпыши и другіе рассказы. (1896—1897). СПб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Талантъ г. Гидича хорошо знакомъ нашимъ читателямъ, и намъ не представляется необходимымъ рекомендовать его вниманію публики, которой авторъ давно уже извѣстенъ, и какъ выдающійся беллетристъ, и какъ даровитый драматургъ. Въ лежащемъ передъ нами сборникѣ рассказовъ г. Гидича первое по объему мѣсто занимаетъ рассказъ „Для успокоенія нервовъ“, напечатанный въ „Литер. прилож.“ къ „Нилу“ въ 1897 году. Второй крупной вѣдой является повѣсть „Слѣпыши“, въ которой очень трогательно и психологически интересенъ типъ Никодима, рвущагося какъ можно скорѣе уйти изъ жизни, потому что, „живя на міру скоро обрѣтешь и ордынешь“; ему хочется работать вдали отъ міра, тамъ, гдѣ для Бога работаютъ. П о нѣ уходитъ отъ людей, смѣло пускаясь въ тяжелый путь, „съ радостнымъ сознаніемъ, что онъ уже не слѣпышъ и отъ слѣпышей ушелъ навсегда“. Почта такого письма лежитъ на каждой вѣдѣ, вышедшей изъ-подъ пера г. Гидича, будь это романъ (вспомнимъ „Китайскія вѣи“ и „Нощу міра сего“), повѣсть или какой-нибудь очень коротенькій очеркъ въ родѣ „Аввы Алексѣеви“ („Вдовы артистовъ“) или „Каролинкень“ („Изъ альбома туриста“). Немногими, тщательно подобранными и искусно сгруппированными черточками и штрихами очерчиваются намъ авторъ изображаемое лицо, и этихъ немногихъ штриховъ ока-